

15 коп.

Н. АБАЛКИН

РЕКА
и МЕДУЗА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 САМАРА

Н. А. АБАЛКИН

РЕКА В ПЛЕНУ

ОЧЕРКИ О ВОЛГОСТРОЕ

(КАКОЙ ОН БУДЕТ, ЧТО ОН ДАСТ
И ПОЧЕМУ ОН НУЖЕН СТРАНЕ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СРЕДНЕВОЛЖСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
САМАРА

1931

Комсомольское спасибо за товарищескую помощь инженеру К. Богоявленскому, отдающему третий десяток лет своей жизни—разработке великой проблемы Волгостроя.

Автор

Редактор А. Кузнецов, техредактор А. Щербаков, сдана в набор
25 апреля 1931 г. Подписана к печати 18 июня 1931 г.

Крайлито № Г-196. Огиз № 113. См. II-31. Инд. МП 32 Тир. 30000 П.л.2

Тип. № 1 им. т. Мяги Средволхайполиграфтреста 1931 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ДАЮ ЛОЗУНГИ—РИФМЫ И ЦИФРЫ—УДАРЫ

«Коммунизм
на электроходу растет.
Лучами в крестьянские избы
тычется,
будет выжжен враг
и вконец растерт
нашим
классовым электричеством».

Руки республики
медленно движутся,
электроэнергии
ход маловат.

До пятилетки
всего электричества
пять миллиардов часов-киловатт».

«Рвитесь
энергии ядра,
лет проводов
высок.

Дадим
22 миллиарда
киловатт-
часов».

А наш Волгострой, о котором будет рассказывать эта книжка, один даст **9 000 000 000** киловатт-часов. Волгострой—это 4 Днепростроя. Он будет в 4 раза сильнее всех электрических станций Японии или Италии.

Волгостроевые силы равны всем английским электростанциям общего пользования 1927 года.

Волгострой ежегодно будет сберегать стране 6 000 000 тонн угля, или **200 000 000** тонн сланца. Неустанный Волгострой будет работать **за 120 000 000** рабочих,—с ним не сравняются силой ударники всех заводских цехов, одной шестой мира.

«Капитализм
рос
на ходу паровом.
Эпохой пара
в технике
кличется.

Мы
с прошлым
тогда навсегда порвем,
когда завоюем себе
Электричество».

«Только тогда», говорил Ленин, «когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной промышленности, только тогда мы победим».

Это приказ! Мы должны построить Волгострой, чтобы множить свои победы. Видите Жигули:

«И здесь,
где кипризно
петляет река,
где ели
у скал на спинах,
четыре Днепростроя
поставит рука,
прибой подчиняя турбинам».

«И Волга закатов,
И Волга красот,
И тихая Волга Степанова,
В стихи и поэмы
Другую войдет,
Войдет
Переделанной наново».

Скорее! 1 апреля 1932 года
правительство должно утверждать
предварительный проект Волгостроя.
Срок размечен партией, значит,
не отступать.

Напряжением любых сил, всего волгостроевского коллектива, всей общественности и всей стопятисоточной шефской бригады средневолжского комсомола, в срок и во что бы то ни стало, выполнить задание ЦК.

Пусть моя книжка будет сигналом. Только этого от нее жду. Берегите Волгострой. Прикройте его броней неусыпного контроля масс. К Волгострою уже тянутся руки вредителя.

Комсомольцы—шефы, вы на посту?

Запомните, товарищи, подлую фамилию первого выявленного предателя Волгостроя. Это профессор Бессмертный.

Он готовил вредительские проекты развития химической промышленности Волгостроя.

Знайте! Бессмертный не будет одинок. К чертежам, проектам, к разведкам в Жигулях, к расчетам и выводам будут тянуться руки—

вредителя,
кулака,
оппортуниста,
бюрократа.

Но им не сорвать большевистского строительства мирового гиганта электрификации. Эти руки коротки, ибо они будут обрублены.

Повторяю: книжка—сигнал. В ее страницах вам раскроется все величие Волгостроя. И поэтому вы должны его оберегать.

На пушечный выстрел не подпускать врага к волгостроевским работам.

Помните:

«Мы
с прошлым
тогда навсегда порвем,
когда завоюем себе
электричество».

А теперь, разворачивая страницы книжки о реке
взятой в плен, знакомьтесь с Волгостроем.

Н. Абалкин.

УЧАСТВОВАЛИ В ВЫСТУПЛЕНИИ:

ПОЭТЫ С. Кирсанов.

М. Клипиницер.

НАЧАЛЬНИК ВОЛГОСТРОЯ

Хомутов.

ТЕХНИКА СОЦИАЛИЗМА

Эта книга о Волгострое. О невиданной еще фабрике белого угля. Он вырастет, наш Волгострой, опираясь на заповедные Жигулевские отроги. Там Волга своей силищей разлучила сдружившиеся горы «Двух братьев». Прорвалась река точно в ворота и нет заботы ей о том, что уже не сойдутся большие разлученные «Два брата». Так и стоят они, переглядываясь исподлобья, да зябко кутаясь в зеленое покрывало стройных сосен.

Поговорить бы с Жигулями. Порасскажут о многом. О степановой буйной вольнице и о царевых дружинах, рыскающих во след Степана, еще не забыли Жигули. И хранится в памяти еще гулкое эхо памятных годов гражданской войны. Не забыты увертливые лодки-канонерки, заглянувшие к Волге в гости в те дни.

Но нет такого на жигулевской памяти, чтобы пришли на родные берега люди-кремни смирять неизокорную реку. Думали Жигули: наша Волга, нет сильнее ее и краше. Не покорить степановой Волги. Крепко, крепко здесь ошиблись мудрые и строгие Жигули.

Нашлась такая сила, что возьмет реку в плен и заставит по своей указке работать, еще ни перед кем не смиряющуюся Волгу. Как не смириться ей, если буйное течение сдержит надежная стена бетона и заставит рваться воды в топки фабрики белого угля. Многое увидят Жигули невиданного доселе. Вспыхнут в горах, на берегах плененной реки огни мирового гиганта электрификации. И осветят эти огни горизонты грядущих пятилеток. По тугу натянутым проводам потечет в заводеские сердца живительный ток.

Эта книга о Волгострое. Но подождем разгадывать это еще неразгаданное слово. Издалека будем прокладывать к нему наш путь.

Каждый новый год пятилетки приносит нам новые успехи, меняет лицо нашей отсталой, земледельческой страны, которой уже не к лицу плестись за буржуазными, так называемыми передовыми странами. Советский союз становится металлическим, сильным своей индустриальной броней. Секрет этого недосягаемого для капиталистического строя успеха в том, что наступление социализма разворачивается по всему фронту по твердо размеченному большевистскому плану, по плану электрификации. Не может быть, чтобы в государственном хозяйственном плане вычеркивалась электрификация.

—Чего стоят все «планы» без плана электрификации? — спрашивал Ленин.

И тут же с резкостью говорил:—ничего не стоят!

—Без плана электрификации,—добавлял он позже,— мы перейти к действительному строительству не можем.

СССР должен стать и будет электрическим. Вооруженная ленинским планом электрификации страна закладывает фундамент социализма. И волжский гигант, рожденный этим планом, через барьер Жигулевских гор, перебросит свою энергию на поля социалистического земледелия и в цеха социалистических заводов.

Так постепенно подводится ленинский итог:

Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация всей страны.

В биографию Волги впишет пятилетка замечательные страницы. Они уже вписываются сейчас, когда по большому плану закладывает страна крепкий фундамент социализма. И Волгострой—только звено этого плана, одно из многих большевистских держаний.

Без великого плана, без советов нельзя себе представить Волгострой.

Ярмо частной собственности, непременное условие капиталистического строя, сдерживает полный расцвет электротехники.

Электрифицировать страну—это значит:

Составить общий государственный хозяйственный план.

Управлять всем хозяйством страны из одного органа управления.

Вот два первых обязательных условия. Оба они для капиталистического строя являются несбыточным делом. Полную электрификацию страны неспособна провести даже передовая буржуазия страны, имеющая все технические возможности для строительства крупных электростанций. Электрификация страны приходит в те дни, когда вооруженный пролетариат опрокидывает капиталистический строй.

Капитализм уже не способен справиться с теми производственными силами, которые он вызвал к жизни. Электротехника также вызвана к жизни капитализмом. Но крепнув и вырастая, эта революционная техника, поднимает бунт против своего «хозяина». Она задыхается в рамках капиталистического строя, в оковах частной собственности. Рожденная капитализмом она будет свидетелем его гибели.

Судороги мирового кризиса охватили сейчас все буржуазные страны. Десятки миллионов пролетариев выброшены на улицу с капиталистических фабрик и заводов. И никакими проповедями миролюбия капиталистам не скрыть бешеной погони за вооружениями и лихорадочной подготовки войны.

Все это свидетельство того, что капитализм запутался в противоречиях своего строя и не способен разрешить эти противоречия. Капитализм теряет власть над производительными силами. Каждое новое техническое достижение, постройка новой электростанции происходит одновременно с разрушением большого количества производительных сил и еще сильнее обнажает противоречия.

Несколько лет назад в Голландии пробовали было издать закон об электрификации. Но законодательной палате капиталисты продиктовали свою волю и закон

этот не увидел свет. Частные предприниматели поняли революционную силу электрической техники. Электрификация укрупнит и сгруппирует производства, укрупнит распределение электрической энергии. Электрификация способствует сплочению пролетариата. Этого то и испугались голландские собственники.

Пыталось и в Германии учредительное собрание провести национализацию электрического хозяйства. Об этом заговорили в 1919—21 гг. Это также пришлось не по нутру германским собственникам. Они повели скрытую борьбу против закона. Началось с того, что министр путей сообщения принялся доказывать:—раньше всего надо взяться за электрификацию железных дорог. А закон учредительного собрания предлагал начать с электрификации сельского хозяйства. Вокруг закона начал разгораться спор. Его сумели организовать собственники. Но владельцам электрических сооружений не по нраву пришлось заявление министра путей сообщения. Оно несло угрозу их прибылям. Зная, что все дело решает министерство финансов, ловкие владельцы делают младшего помощника министра финансов председателем совета «Всеобщей кампании силовых станций». Будет ли после этого министерство финансов требовать уничтожения Всеобщей кампании и проведения национализации электрического хозяйства? Конечно, нет, потому что оно лишится частных доходов. Владельцы оказались в тени, а два министерства теряли время в бесконечных спорах, в чем-то друг друга убеждали, а закон так и остался лишь благим пожеланием учредительного собрания.

Об Америке коротко. Только одна цифра. Тринадцать лет велись там споры о том, стоит ли строить гидростанцию на реке Миссури.

Капиталисты за электротехнику, потому что она выгоднее паровой техники. Но они сейчас же восстают против нее, лишь только кто-нибудь подумает о национализации электрического хозяйства, о малейшем посягательстве на право частной собственности, о проведении

нии полной электрификации.

Так нарастает конфликт между производительными силами и капитализмом. Так еще больше обостряются противоречия этого обреченного на гибель строя. Историей подсказан единственный выход из положения. Этот выход в пролетарской революции. Взяв судьбы страны в свои руки, пролетариат создаст самый высокий способ производства—способ социалистический. И только новый строй даст возможность осветить страну десятками Волгостроев, провести полную электрификацию.

Техника капитализма—это паровая техника, техника социализма—это электрическая техника.

Волгостроями, пятилеткой, ударными бригадами подчиним себе эту самую юную и самую революционную технику.

РАССКАЗ О БЕЛОМ УГЛЕ

Черный уголь, блестящий антрацит—сгорают в топках. В топках паровозов судов, паровых котлов.

Вода не сгорает. Однако, и она зовется углем. Белый уголь—это вода. Так же, как и черный уголь, как нефть, торф, дрова,—вода способна быть источником энергии.

Заводы благородного топлива—нефти, антрацита, каменного угля,—истощаются. Они не могут быть вечными, и все меньше становится их в земных недрах. Но белый уголь никогда не израсходовать. Какие бы водные пространства мы не заставляли работать на себя, сколько бы рек не заставили зарождать энергию—запасы белого угля всегда останутся одинаковыми.

Эти запасы так велики, что их трудно даже подсчитать. Реки и моря, океаны и озера оставляют для суши только одну третью часть земного шара.

Протекающая в наших реках вода хранит в себе громадную силу и дело человека использовать ее. Громадные водные пространства способны дать энергию в

750 миллионов лошадиных сил. Эта энергия настолько громадна, что с ней нельзя даже сравнивать энергию всех гидростанций мира. Эти станции дают лишь около 25 миллионов лошадиных сил. Наша цифра относится еще к 1924 году и поэтому на сегодняшний день мощность всех гидростанций несколько выше. Таким образом, энергия, которую имеет сейчас человек, несколько больше 3 процентов скрытых, и пока неиспользованных запасов водной энергии. Надо идти походом на реки, горные озера и заставлять их миллионами лошадиных сил помогать нашему социалистическому строительству.

Мощность энергии рек зависит от двух главных причин. Это:

Количество протекающей воды.

Падение реки.

Количество протекающей воды не может все время оставаться одним и тем же. Летом оно меньше чем весной, когда реки вбирают в себя влагу от тающих снегов. Узнав количество протекающей воды через определенное сечение реки в единицу времени, например, в секунду, можно высчитать и расход воды. Этот расход имеет большое значение при выборе места для постройки гидростанции.

Волгострой мы будем строить на реке, которая весной приносит в одну секунду три миллиона ведер воды. Так велик ее расход, но летом он значительно снижается.

Падение реки или ее уклон не меняются. Они остаются все время неизменными. Конечно, река никуда не падает. Падением называется разница уровней реки в различных местах. Ведь река не течет все время по ровной поверхности. Чем больше падение реки, тем ценнее и ее энергия, потому что при высоком падении реки потребуется меньший расход воды.

Поэтому маленькие горные речки, идущие с значительной высоты, могут дать энергии значительно больше, чем широкая река, протекающая по равнине и почти не имеющая падения.

По этим примерам должно быть понятно, что не все

водные пространства, покрывающие землю, могут производить работу. Работу может производить только вода, находящаяся в движении, это—реки, проточные озера, водопады.

Энергию воды принято считать даровой, потому что совершенно не приходится тратить сил на ее добывчу. Но она не даровая. Для наиболее выгодного использования этой энергии необходимы большие и дорогие сооружения. В древние годы человек обходился без них. Единственной машиной, работающей силой воды, долгое время было водяное колесо. Задерживаться на об'ясняниях его устройства не к чему. Каждому знакома водяная мельница. Вода силою течения приводила в движение особого устройства колесо. Насаженное на вал колесо приводило его в движение, и одновременно начинали действовать жернова, соединенные передачей с другим концом вала.

Многие сотни лет тому назад водяные колеса приводили в движение только мельницы. Затем они стали по-немногу применяться в металлургическом производстве, приводя в работу большие воздуходувные машины. Древние водяные колеса использовали только незначительную часть энергии реки или канала, имели недостаточную мощность и медленно вращались. Немного больше ста лет назад, на смену водяному колесу пришла первая турбина. Это было тоже самое водяное колесо, придуманное французским инженером Бурдэном. Но это колесо было из металла и вращалось оно очень быстро. Оно могло быть размером много меньше прежних водяных колес, но работало лучше и сильнее. И все же у турбины были недостатки. Человеку требовалось более сильное водяное колесо. Инженеры и техники, изучая турбину Бурдэна, стали ее изменять, перестраивать, создавать новые и лучшие турбины. Такие улучшенные сильные турбины будут работать и на Волгострое.

На гидростанции турбина нужна для того, чтобы приводить в движение генератор или, как его называют, динамомашину. Вода, подпертая плотиной, бьет в

лопасти турбины, заставляя ее вращаться. Вместе с турбиной начинает вращаться и динамомашина. Она может быть на одном валу с турбиной или же соединена с ней особой передачей. Почти вся скрытая железным корпусом и очень скромная по виду, динамомашина является одной из примечательных машин, придуманных человеком. Примечательное в ней то, что она является почти неубывающей копилкой электрического тока. Стоит привести динамомашину в движение, как в ней сразу же начинает зарождаться электричество. Для того, чтобы разобраться в замечательных свойствах этой интересной машины, надо прочесть специальную книжку. А в нашей книжке будет очень скучное объяснение.

Вся динамомашина состоит из немногих частей. Ее части—это якорь, который можно назвать осью машины, затем катушки, между которыми вращается якорь. Есть еще коммутатор, который собирает зарождающийся ток и через угольные катушки отдает его проводом. Катушки динамо-машины являются электромагнитом. В электромагнит превращается мягкое железо, обвитое проводником, то есть тонкими проводами. У каждого магнита, в том числе и у электрического, есть два полюса—северный и южный. Между этими полюсами проходят невидимые нити. Их называют магнитными силовыми линиями. Вы запомнили, что якорь вращается между электромагнитами—катушками. Значит, вращаясь, якорь пересекает эти силовые линии. Вот когда происходит такое пересечение и зарождается электрическая сила в динамомашине.

Теперь мы бегло ознакомились с турбиной и динамомашиной. Что же есть еще на гидростанции (гидростанцией называют электрическую станцию, работающую на белом угле)? Построить электрическую станцию на реке—это значит построить:

Плотину,
Канал,
Шлюзы,

Турбины, Здание гидростанции.

Мы уже знаем, что плотина нужна для увеличения падения воды. Плотины не всегда бывают одинаковыми. Они могут строиться через всю реку—от берега до берега, или преграждать только часть ее. Плотина может быть глухой и сливной. Через сливную плотину избыточная вода переливается. Иногда строят разборчатые плотины, чтобы для пропуска слишком большого количества воды можно было часть ее на время разобрать. Для постройки плотин обычно требуется бетон и железо-бетон.

Каналы больше всего используются для судоходства, но их строят и для подвода напора реки к турбинам. А деривационный канал Волгостроя выполняет сразу две задачи. Он будет направлять к турбинам Переволокской станции мощный напор Волги и в то же время сократит для судов 125 километров пути. На канале будет несколько шлюзов. При прохождении судов они будут сглаживать большое различие уровня Волги у Ставрополя и Переволок.

Проследим, как это будет получаться. Пароход идет снизу, направляясь к Ставрополю. Но он не может прыгать. А прыгать приходится потому, что у Ставрополя уровень Волги выше, чем у Переволок на 6 метров. Здесь и приходят на помощь шлюзы. Как только войдет пароход в канал, за ним отпускаются створчатые ворота первого шлюза, пройдя немного вперед пароход снова встречает закрытые ворота. За ними в следующем шлюзе уровень уже несколько выше. Пред тем как поднять эти ворота, насосы нагнетают воду в первый шлюз, чтобы уровень воды сравнялся со вторым шлюзом. А раз поднялся уровень воды, то значит поднялся и пароход. Открывая и закрывая ворота шлюзов, пароход может перепрыгнуть через 6 метров и продолжать свой путь.

Взудать реку, заслонить ее служить социализму не легко. Но мы боремся за Волгострой. Мы знаем, что осилим это гигантское строительство в Жигулях. Разве для молодой страны-ударницы есть что нибудь невозможное?

ОТПРАВЛЯЕМСЯ В КРУГОСВЕТКУ

У Жигулей делает Волга большую петлю. Изворачивается река, обегая Жигули, петляет, точно хочет поймать кого-то в силок. Когда обводят по карте эту петлю, говорят—Самарская Лука. Мы пойдем сейчас за изменчивым течением Волги по Луке.

В весенний разлив, когда нет конца края волжскому половодью, снаряжают волгари лодки, чтобы отправиться в «кругосветку»—в заманчивое путешествие по Луке. Отправимся с ними. Мы садимся в лодку и на несколько дней отталкиваемся от самарского берега. Выбившись на стрежень, взгляните, как мимо проплывает город и Волга, сразу отворачиваясь от него, пробивает путь на юг, к далекому морю-озеру Каспию.

Нет Самары. Только Волга, веселая лодка, да полночочный весенний наряд лесов. Трудно найти здесь берег. Леса приволжские, рощи и заросли прибрежные и стоят по пояс в воде. На увертливой байдарке пробиваешься между стволов в лесную глубь и там то же: лес и Волга. Даже если проберетесь на лесные поляны, на залитые луга, все же не будет берега. Сквозь зеленую марлю кустов иногда проглянет желтый песок, но не верьте. Это не берег,—только островок, еле приметный гребень холма. Стоит ли считать, на какие километры расплескивается Волга весной? Не сбьешься ли со счета?

Бросайте весла. Неустанно бьет в борта половодная спля течения. Нашу лодку не плохо несет на своих плечах река.

Теперь уже можно держаться берега. Леса сменила каменная гряда,—последнее напоминание о Жигулях, которые мы покинули и навстречу которым плывем. Но разве река подмыть каменистый берег, удается иногда ей вымыть в камне причудливые пещеры и силой течения сбивать в воду глыбы.

На исходе петля реки. Идет река на Сызрань, окончательно выпрямляя свой путь, сломленный и сбитый Жигулевской грядой.

Пора браться за весла, подбиваясь к гористому правобережью, там, где неприметно прикурнуло древнее село, Переволоки. Так кончаются первые семьдесят километров нашего пути у южного конца петли. Здесь-то и разглаголяется секрет кругосветки. Стоит лишь перебросить лодку через двухкилометровый перешеек, на длинных роспусках провести по песчаной и вязкой дороге через переволокские поля и рощу, как будем мы на р. Усе. Роспуски завозятся в воду, чтобы лодка плавно скользнула с них. Можно снова теперь продолжать путь к Самаре.

Проходит неприметная Уса позади Жигулевских гор и впадает в Волгу у Ставрополя, немного выше Самары. Не на каждой карте проведена извилистая ниточка Усы. Уж так она мала. Но в весеннюю пору Уса неузнаваема, она

велика и многоводна. Становится Уса волжским озером, растянутым на двадцать километров.

Вместе с обязательным свежим ветром обдает на Усе

Волгоградска ГКИ
Инв. № 10826

седой стариной. Пусть к самому берегу пробивается колхозная борозда и навсегда перепаханы межи графской вотчины, все же воздух здесь насыщен стариной. Еще не стерты временем древние пещеры и городища, кладбища и памятники. Вместе с ними уживаются легенды и преданья — свежий источник народного вымысла и художественного творчества.

Наша лодка идет по Усе. Здесь, за спиной Жигулей, навстречу идут семь горных отрогов. И по летам и по росту эти отроги — близнецы. Но какие это горы? Это же семь братьев. Задумали разгадать древние братья неизведанный путь солнца, разгадать тайну его погружения за горы в далекое море. И были за это наказаны. Чародей превратил их за вредную любознательность в горные утесы. Говорят и по другому. Были в этих местах стражевые посты буйной волжской вольницы. Следили недремно за судами купеческими да за своими врагами. И раз уснули на посту семь братьев, то ли от пьянства разгульного, то ли от усталости. А враги не дремали. Пронеслись братья, а уж в ажеская сила одолела их товарищей. От страха и удивления окаменели братья. И вот с тех пор здесь горы. Горы «Семи братьев».

Разное говорят в Жигулях.

А за «Братьями» — «Девять горы». Прозвали их так за смелость, за разбойную отвагу живших здесь когда-то девиц. А дальше, извернувшись, показывает река Молодецкий Курган и несет вперед к вздыбленной Лепешке. В давние годы на горе этой следила вольница за купеческими судами. Грабила их, а московских купцов для выкупа оставляла себе. Не слали родственницы выкушательство купчье тело вниз в воду, газбиваясь о плоские камни в лепешку. Вот и стала гора называться Лепешкой. Теперь мирным целям служит отвесная грудь горы. По ненаписанным правилам и законам, всем кругосветчикам надо непременно зарегистрироваться на горе. Поэтому то так цветисты и так разрисованы камни Лепешки. Сделаем здесь остановку. Может среди теряющихся надписей, сделанных пять, десять, пятнадцать, двадцать лет

назад, мы найдем подпись кругосветчика Алексея Максимовича Горького. Говорят, эта подпись где-то здесь. Но мы задержались у Лепешки. Пора расстаться с этим регистрационным пунктом кругосветки и держать путь дальше.

Давайте здесь заодно и навсегда расстаемся с кругосветкой. Довольно! Что вся ее показная прелест, подчеркнутая весной, в сравнении с индустриальной, электрической Лукой недалекого завтра? Что значит, в сравнении с широководным каналом, извижающимся Уса, почти до последней капли пересыхающая летом, показывая все свое вязкое серопесочное русло. Не кругосветкой, а Волгостроем будет примечательна Лука.

Снова выносит на Волгу нашу лодку и снова подхватывает ее упрямая сила течения. Подхватывает и несет навстречу Жигулевским воротам, золотистой шапке

Царева Кургана, на встречу Самаре. И когда надвигается город, широкими улицами сбегающий к самому берегу, мы кончаем наш путь. За плечами 150 километров водного пути. Не видать нам кругосветки, если бы Волга, не встретив на своем пути к югу Жигулевской преграды, не принялась петлять. Не принялась огибать Жигули, сворачивая на восток, и у Самары, там, где сходит на нет Жигулевский хребет, снова пробиваться на юг, поворачивая затем на запад и, наконец, уже решительно вырываясь снова на юг. Вот он этот путь:

Присмотритесь к рисунку клише карты кругосветки. Вот Самара—здесь мы начали и закончили нашу круго-

бует заложена крепкая волгостроевская плотина. Растянувшись на сотни метров, она заляжет между двух берегов. Здесь же будет заложена и мощная гидростанция. Эта бетонная преграда, смиряющая бег течения, поднимет уровень воды от 10 до 20 метров.

Подпор, созданный плотиной, заставит разлиться реку в пойме Усы. В усинской пойме по основанию Луки волжские воды пройдут двадцать три километра и остановятся перед Волго-Усинским разделом, там, где провозили на роспусках нашу лодку. Стоит прорыть этот раздел двухкилометровой глубокой выемкой и Волга будет впадать в.... Волгу, на 125 километров укорачивая свой путь.

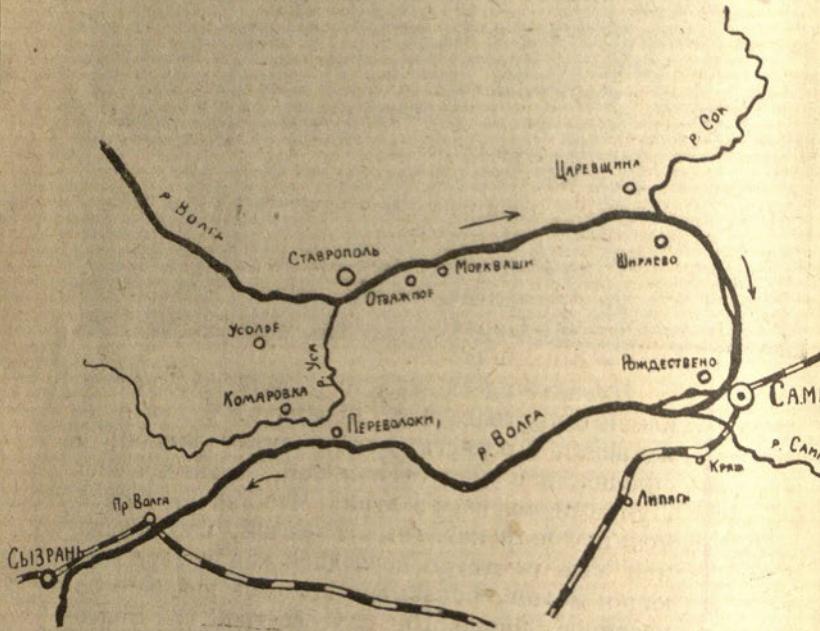
У Переволок уровень воды ниже, чем у Ставрополя на 6 метров. Разница уровней и созданный плотиной подпор позволяют у Переволок построить вторую гидростанцию. На месте Усы будет проложен судоходный канал со шлюзами. Он же будет подводить водный напор к турбинам переволокской гидростанции. Этот канал будет называться деривационным. Запомните: деривационный канал. Вот и весь Волгострой.

Таким образом, Волгострой складывается из плотины, гидростанции и малого шлюза у Жигулевских ворот, деривационного канала, Переволокской гидростанции и главных переволокских шлюзов.

Электро строительство в Жигулях по праву будет считаться самым большим на земном шаре.

Таких гидростанций еще нет нигде. Строящийся сейчас Днепрострой считается самой мощной гидростанцией в мире. Но так ли уж он велик, если Волгострой будет в четыре раза мощнее его. Волжское электросердце неустанно будет работать с невиданной еще силой до 9 миллиардов киловатт-часов. И слишком дешево будет отдаваться эта энергия. Почти даром. Себестоимость одного киловатт-часа, только две десятых одной копейки. Не велика будет и продажная стоимость, примерно семь десятых копейки.

Давая индустрии дешевую энергию, Волгострой воз

светку. Дальше знакомые Переволоки, Уса, Ставрополь. У Жигулевских ворот или у Ставрополя, где-нибудь здесь,

?

родят такие отрасли производства и промышленности, которых не мог и думать наш край. Он вооружит на борьбу с засухой, принесет энергию на поля социалистического земледелия. И опять-таки не только в этом значение Волгостроя. Ведь это не только гидростанция, дающая дешевую энергию. Создавая возможность для развития крупной химической и металлургической промышленности, Волгострой за одно улучшает и условия судоходства на Волге. Подпор плотины создает глубоководный пles до Казани. Значит, из государственной сметы сразу вычеркиваются миллионы, предназначенные для борьбы с песками, с обмелением.

Волгостроевский канал, проложенный по руслу замкнутой нам Усы, на 125 километров, сокращает пробег судов с транзитными грузами. Только этот канал в 25 километров сбережет в государственном кармане миллионы. В районе Самарской Луки, в ближайшие навигации, грузооборот вырастет до 60 миллионов тонн. Только по этой цифре можно судить какую экономию принесет канал, насколько он снизит себестоимость перевозок, если 60 миллионов тонн грузов не будут больше делать лишний пробег.

Средняя Волга—глубокий тыл. Наш край далек от советских границ. Здесь сплетаются железнодорожные и водные нервы магистралей. Здесь богатейшие источники самого разнообразного сырья от сланца до торфа. Эти природные и географические условия края при создании Волгостроя являются лучшим фундаментом для развития промышленности. Волгострой будет решающим рычагом, который отсталый земледельческий край переведет на индустриально-аграрные рельсы.

Промышленность химическая, имеющая не малое оборонное значение, будет возрождена Волгостроем. И поэтому не должна пугать большая цифра в 650—800 миллионов рублей, которую потребует Волгострой на свое строительство. Эти многомиллионные затраты Волгострой сумеет вернуть стране теми выгодами и экономией, которую принесет он в первые же годы своего существования.

Так будем же строить Волгострой, еще невиданную в мире советскую гидростанцию, будем строить в Жигулях мировой гигант электрификации.

РАЗВЕДКИ В ЖИГУЛЯХ

Волгострой имеет свое дореволюционное прошлое. Биографию его можно начинать с 1908 года. Это как раз был тот год, когда сквозь ограниченность тогдашних дней и дел прорвалась смелая техническая мысль и заявила об идее, поразившей своей революционностью. В те дни впервые заговорил о Волгострое молодой инженер К. Богоявленский. Его выслушивали с показным снисхождением, точно подчеркивая несбыточность фантазий, о которых он говорил. Но Богоявленский не хотел изменить своей идеи. Ей были отданы многие дни и ночи, и в 1916 году он пришел в «Русское техническое общество» и развернул там первый проект использования энергии реки. Он произнес там приговор Усе. На месте этой реки должен быть проложен канал, подводящий волжский напор к переволокской гидростанции. Таков был тогдашний Волгострой. И уж после, как вариант будущего, предлагалась мощная плотина через Волгу.

«Русское техническое общество» испугалось технической дерзости Богоявленского, и его идея не была поддержана. И вот сейчас, вспоминая дореволюционное прозябание идеи Волгостроя, говорит инженер Богоявленский.

— «Трудно даже представить теперь, насколько идея Волгостроя казалась неосуществимой в дореволюционной обстановке. Нужно было иметь большую техническую смелость, чтобы решиться выступить с таким «сказочным» предложением. В «Техническом обществе» сидели солидные инженеры, крупные предприниматели. Они привыкли к определенным, легко осуществимым мероприятиям. И поэтому так недоверчиво относились они ко всяkim «фантastичeским предложениям».

— Да и в то время, — продолжает Богоявленский, — нельзя было не только строить Волгострой, но нельзя даже было делать для него изыскания. В то время всей Самарской Лукой владели графы Орловы. И поэтому нельзя даже было пройти по Усе с изыскательными инструментами. За право проложить по Усе канал владельцы земли могли требовать любую сумму. Так право частной собственности обрушивалось на революционные технические начинания. Все это и не располагало интересоваться специалистов того времени крупным строительством. Ведь, даже проводя железные дороги, приходилось не раз делать крюк, чтобы только не задевать владения несговорчивых предпринимателей... Но пришла революция и идея Волгостроя получила сразу право на жизнь, получила серьезную поддержку».

К 1919 году удалось К. Богоявленскому увлечь идеей Волгостроя маленькую группу самарских инженеров. Это были Гаврилов, А. Богоявленский, Лукьянов, Ленинников, Якубов, Сканави. Некоторые из них поставлены сейчас на другие, не менее героические строительства.

При поддержке Совета народного хозяйства маленькая группа инженеров-энтузиастов выискивала технические оправдания идеи Волгостроя. Не было средств, не было материалов, не было многое, и все же изыскатели не бросали Волгострой. Они пешком обходили всю Луку, отправлялись на изыскания на гребных лодках. Каждый результат изысканий, каждое наблюдение воодушевляло изыскателей. И они шли в рабочие клубы, на предприятия, в хозяйствственные организации, заражать массы идеей Волгостроя. Это «заражение» проходило не совсем в обычной обстановке. Точно издаваясь над словами Богоявленского о миллионах киловатт электрического света, который зальет край, едко чадила и мигала керосиновая лампа. И лектор, говорящий о свете, не мог даже разглядеть в темноте своих слушателей, заполнивших давно нетопленое помещение. Они сидели закутанные в шубы и их дыхание казалось

клубками пара. И эти голодные, озябшие слушатели настолько были уверены в будущем, что не могли считать фантазией «технические сказки» лектора. Их воображение уже рисовало построенный Волгострой, ожививший все Среднее Поволжье.

Заразился Волгостроем и первый ударник советской электрификации, старый большевик, Глеб Максимилианович Кржижановский. Он внимательно присмотрелся к первым проектным работам, об'ехал уже хорошо знакомую Самарскую Луку. О фантазии он не говорил. Он понял грандиозность открывающихся возможностей, которые можно осуществить через десять—пятнадцать лет. Расставаясь с Самарой, Глеб Максимилианович уверенно говорил:

— В Госплане, в Москве, Волгострой поддержим.

Кржижановский уехал. Изыскатели продолжали свои работы. Они дали очень серьезное исследование о Волгострое. Начиная с 1921 года уже появляются первые попытки заинтересовать Волгостроем Москву. Волгострой еще боится поддерживать официально потому, что слишком сложной казалась задача. И даже в Госплане не сразу нашел Волгострой своих сторонников. В 1923—25 годах Богоявленский снова старается пробудить интерес к Волгострою. И все же Волгостроя боялись, его долго не признавали. Лишь в 1927 году Средневолжский облисполком решил всерьез заняться Волгостроем. А через три года, когда все больше приходила уверенность в необходимости Волгостроя, когда за него голосовал каждый результат изысканий и наблюдений, эта идея получила решающее признание. Центральный комитет партии поручил Госплану повернуться лицом к Волгострою. За два года должен Госплан составить проект Волгостроя, выявить все возможности его сооружения. И теперь вот, выполняя наказ ЦК, занятый Волгостроем сотни людей, многие отряды изыскателей и разведчиков разошлись на сотни километров по волжскому побережью.

*
Будет плотина Волгостроя на Самарской Луке, но почему же тогда так далеко уехали от Луки волж. строевые посланцы? Отряды разведчиков по Волге дошли до Чебоксар. Сворачивая в Каму, они доходят почти до самой Елабуги, останавливаясь за Чистополем.

Прежде, чем опустить плотину Волгостроя, надо многое рассчитать и изучить, предвидеть и измерить. Поэтому так далеко и ушли волгостроевские разведчики.

И когда в заснеженных Жигулях буйнит холодный ветер и когда закаливаются Жигули под горячим солнцем, не переставая ведут свою кропотливую работу

разведчики Волгостроя. Ведь надо закладывать новые скважины для бурения, выискивая крепкие пласты каменной породы, следить за водомерными постами и изучать, — изучать все: пески, берега, Жигули, характер реки. Знаком самарцам привыкшийся «старомодный»

пароход «Отмель». Пеня воду большим кормовым колесом, он кружит у Жигулей. Здесь тоже изучают Волгу. Здесь плавучая база инженерно-гидрологической станции.

Отдельные отряды изыскателей прослеживают деятельность подземных вод, изучают грунт волжского дна, строение Жигулевских гор. Так выбирается лучшее, надежное и крепкое основание для волгостроевских сооружений. Не обдумав и не рассчитав всего, можно поставить плотину так, что будет ее обходить вода там, где срастается она с берегом.

Поэтому десятки буровых скважин выщупывают дно, врезаются в горы, проверяя их крепость, они заложены в горах, у самых берегов, зимой их закладывают в середины реки — со льда. Иногда скважины нащупывали твердый камень, — но было это просто случайностью. Твердых больших пластов не находилось. Больше всего встречался песок. И только весной 1931 года, когда посиневшая вздувалась Волга, с бахиловской стоянки, от скважины № 93, пришла весть: — дошли до твердого известняка. Только готовящаяся вскрыться Волга помешала до конца вымерить мощность пластов твердого известняка.

Результат работы многих буровых скважин убедил волгостроевцев, что плотина будет строиться на водо-проницаемом основании.

Разведчики Волгостроя сумели заснять не меньше десяти тысяч метров — весь район изысканий. После этой съемки уже не трудно будет разметить места, которые окажутся затопленными, когда плотина Волгостроя поднимет уровень реки.

Ничего не упускают разведчики. Они даже присматриваются к ледяному покрову Волги, изучают, как проходит ледоход в узких местах реки и под мостами. Как будто это совершенно лишнее дело. Но надо же знать, как будет отражаться ледоход на будущих сооружениях. Так собирается материал, позволяющий размечать на белых бумажных полях проектные очертания Волгостроя. Каждый новый метр, пробуравленный в Жи-

гулях, расчеты нивелировки, новая характеристика быту реки уточняют первоначальные наметки, дав возможность сделать выверенный проект правительства к 1 апреля 1932 года.

И если этот день, будет днем утверждения проекта придется потратить еще не меньше года на составление нового, строительного проекта, по которому будет вестись строительство. Тогда с 1933 года можно будет взяться уже за практическую подготовительную работу. Затем, пойдут года невиданного еще строительства и умноженных размерах повторится в Жигулях днепропетровская картина. 1937—38 год будет последним годом этого строительства и первым годом действия Волжской гидростанции. В этот год будет окончен ипущен в действие Волгострой.

Чтобы в этом строительстве не встретилось ни одна ошибка, чтобы ничего не приходилось переделывать надо не прекращать разведку в Жигулях и множества изыскателей. Мы идем в наступление на неспокойную Волгу, чтобы заставить ее нести электрическую службу социализму. Ее нужно изучить, разгадать заранее все ее маневры, и лишь тогда она будет работать по человеческой указке.

Разведки должны продолжаться.

ВЗАМЕН ДОЖДЯ

Как знакомо полям Заволжья горячее дыхание ветров. Обжигали ветры хлебные кисти колосьев, добиралось ветровое дыхание до самых корневищ, жаждыми, ненасытыми губами выбирая последние остатки влаги. Уверенные в себе, негнувшиеся колосья, после ветра сникли и с'еживались, раньше времени одолевала бескровная желтизна. Эти ветры приносили Заволжью засуху.

На заволжских полях, раскинутых на сотни гектаров, засуха была передним гостем. В эти годы поля давали нищенский урожай. Точно не было горячих и

матошных дней весеннего сева, точно и не выходила на полях мелкая поросль зелени. Старая статистика подводила нерадующий итог. За сорок лет урожай пшеницы с гектара то добирался до 9—8 центнеров, то снижался до 115—32 кг. Тридцать два килограмма с гектара. Вот что приносила засуха.

Между 1885 г. и 1926 большой промежуток времени. За это время в одном из засушливых районов Заволжья были такие сильные колебания урожая пшеницы. Десять раз поля давали меньше $2\frac{1}{2}$ центнеров. Шесть раз был урожай от $2\frac{1}{2}$ до 4 центнеров. От 4 до $5\frac{1}{2}$ центнеров поля давали урожай тридцать раз. И столько же раз был урожай в 6 центнеров и выше. В этой пестроте цифр и урожайных итогов, чувствуется влияние незванной гостьи-засухи. И видно здесь, как бесплодны были попытки истощенной земли дать хороший урожай.

Многие гектары захватывает заволжский засушливый район. И поэтому засуха, выбирая влагу, высушивая поля, заставляла ломать планы хозяйствования, выкапывать откуда-то новые средства, чтобы неурожайный прорыв не сказался на всем развитии хозяйства.

Горячие ветры проносились над полями помещичьих вотчин, над мелкими наделами крестьянской земли, задыхающейся под ярмом трехполки и удавной петлей часто наметанных межей. Против засухи повелся заговор.

Прежней засухе не бывать уж. Иною стала земля. Сплошные колхозные массивы покрывают почти все Заволжье. И эти массивы лишь яркое свидетельство того, что невозможно теперь появление засухи с прежними последствиями. Волгостроеву мощную энергию, даваемую полям, лучше и раньше сумеют освоить колхозы, этой энергией сумеют они навсегда ликвидировать засуху.

Засуха—враг. А чтобы сломить врага, нужно как следует, его распознать и изучить до тонкости. Поэтому и нужно узнать, почему была засуха частым гостем на полях Заволжья.

Засуху порождает недостаток атмосферных осадков. А этим недостатком как раз и отличаются поля Заволжья. До крайности мало получают они влаги.

За осадками следят многие годы. Их изучают. Когда стали проверять, как скрываются осадки на урожае, то увидели одно—чем меньше осадков, тем меньше и урожай. Но и те ничтожные осадки, что перепадали полям, без остатка поглощались испарениями. Испарения превышают выпавшие осадки. Поэтому и чувствуется такая сухость в воздухе Заволжья, чувствуется губительная безвлагность. И она становится еще более заметной, когда над Заволжьем проносятся медленные и сухие ветры, идущие с раскаленных и бесплодных пустынь Центральной Азии.

А зимой проносились другие ветры. Они сдували в балки и овраги сухие сугна, оголяя промерзшую землю, еще больше урезывая паек влаги, скруто отпускаемый полям. Этим уже подсказывается верный вывод, что борьба с засухой является борьбой с недостаточностью осадков. Чтобы свернуть шею засухе, надо возместить земле недостающие осадки, дать ей как можно больше влаги. Есть оружие для борьбы с засухой, не может же она быть всесильной! Это оружие—ирригация!

Иrrигация означает искусственное орошение полей. Её впервые испробовали в древних странах с сухим и жарким климатом. И оттуда двинулась ирригация в экспедицию по всему свету, идя до наших дней. У нас больше всего знакома хлопковая ирригация. Уже много лет на хлопковых полях деканы колхозов наносят удар по засухе. Узкие арыки, с гор и холмов, с многоводных рек отводят воду на поля, возвращая острую нехватку осадков. И поэтому, в пору знойного и сухого лета цветут кустовые шапки хлопка, впитывая корнями теплую влагу земли.

Но ирригация не единственная мера борьбы с засухой. Ее нужно бить с двух позиций сразу. С гидротехнической—это ирригация, и агротехнической. Агротехника против засухи выставляет усовершенствованные

способы и приемы полеводства. Они связаны между собой, эти две позиции. Но там, где особенно сильны колебания урожайности и где меньше осадков, агротехника без боя уступает первое место ирригации.

Результаты урожая дают лучший аттестат искусственному орошению. Возьмем 1924 год, не особенно благоприятный для посевов. И все же в этот немногого незадачливый год, гектар, на котором было наложено правильное орошение давал 2016 килограммов ржи, а рядом гектар без орошения, давал только 112 кг. Пшеницы белотурки было 427 кг., вместо 90. С просом было так: 1 гектар с правильным орошением давал 1488 кг. вместо 64.

Эти цифры лучше всего говорят за то, что поля Заволжья надо навсегда сроднить с ирригацией. За искусственное орошение следует взяться всерьез.

В засушливом районе Заволжья, на гектар поливного хозяйства должно приходиться 6—7 сухих гектаров. Такой расчет, в случае засухи, даст возможность покрыть недород сухих хозяйств.

По этому расчету выходит, что в Заволжье надо поставить искусственное орошение на полтора миллиона гектаров. Многоводная Волга способна дать влаги на 750 тыс. гектаров. Но не так-то легко отвести воды Волги на поля. Большинство заволжских посевов находятся намного выше уровня реки. Поэтому самотечный выход вод на поля никак невозможен. Нужно приложить к делу механическую силу, которая без труда поднимет воду на поля, не считаясь с разностью двух горизонтов: на реке и на земле. Этой силой будут электронасосные станции. Змеиные туловища мощных насосов будут без устали пить волжские воды, чтобы отдать их полям, жаждущим влагу. Через насосы вода будет поступать в полевые водохранилища. И как бы ни расходовали они воду, все же всегда будут водохранилища полны до краев. Потому что беспрестанно, не уставая будут работать насосы. Эти электронасосные станции оживят ток Волграца. Он будет давать на ирригацию не меньше миллиар-

да киловатт-часов. Так возместится острая нехватка осадков и в знойные засушливые лета, горячие ветры не в силах будут сжечь полносочную зелень посевов, настоеенных на волгоградской влаге.

Мы подсчитывали насколько повысится урожай с одного гектара, которому возместили недостачу осадков. Цифра получилась не малая. Но ведь Волгоград дает возможность применить ирригацию не на одном гектаре, а на 750 тысячах гектаров. Так насколько же тысяч центнеров хлеба больше будет ссыпать Заволжье в государственные закрома?

Но только на одной ирригации полей социалистического земледелия дело не остановится. Мы знаем еще о богатой коллекции химических удобрений, которые только благодаря Волгограду получат поля.

Без электрификации, без мощной энергетики не может взбираться вперед и выше генеральная линия индустриализации сельского хозяйства. Полям нужен ток и Волгоград не поскупится дать его.

Нет предела применения электричества в сельском хозяйстве. Оно способно делать все. Быть электрической насекомой, высаживая в инкубаторах одновременно тысячи цыплят, быть дояркой, доставлять корм в коромышки и резать солому. Особенно за многое оно способно взяться в дни уборки и обработки урожая. Оно берется даже и за силосование кормов, давая невиданные результаты.

А все это очень просто. Во-первых, косить можно в любую погоду. Пусть будет дождь. Не нужно ждать, когда высохнет трава. Ее сырую же свозят в специальные закрытые помещения. И там через скоженную траву пропускается электрический ток. В результате убиваются все бактерии травы, которые могут вызвать ее гниение. После пропускания тока, в этих помещениях корм может оставаться многие месяцы и годы, оставаясь свежим и сочным. А особенное в этом электрическом силосовании заключается в том, что намного повышается питательность корма. Трава, собранная с одного гектара и по-

бывавшая в электрическом силосе, становится настолько питательной, что ее хватит для одной коровы на 120 дней, больше чем сена, полученного из той же травы, тоже с одного гектара.

Все это только очень малая часть того, что может дать электричество сельскому хозяйству. Для нас особенно важна электрификация сельского хозяйства не только потому, что надо его подтянуть к промышленности. Замена ручного труда электричеством освобождает в сельском хозяйстве тысячи рабочих рук, так нужных промышленности. А в кадрах для индустрии с каждым годом будет ощущаться все большая нужда. Возьмем большой животноводческий совхоз. Для ухода за стадом в 100 тысяч голов он должен иметь не меньше 20 тысяч рабочих. Но если в этом совхозе ввести только электромашинное доение, то число рабочих сократится во много десятков раз. И эти лишние сотни рабочих пойдут на заводы.

А впереди еще новые и новые применения электричества на полях. По-серьезному изучается вопрос об электропахоте, и уж начинают специалисты вести речь о применении электрической энергии для обогрева почвы, для теплофикации парников.

Здесь рассказано немногое. Но и потому, что уже рассказано, разве не видно на что способен Волгоград. Он заново мощными потоками своей энергии переделает лицо края, переделает его на новый индустриальный лад.

СОЮЗ ДВУХ ЭНЕРГИЙ.

В провода самой юной технической энергии, энергии электрической, включилась самая юная человеческая энергия — энергия комсомольская. Комсомол Советского союза принял шефство над электрификацией. Это не пустячная или надуманная затея, а живое большевистское дело.

Неустанной энергией молодежи, электрификация страны будет развиваться и двигаться вперед. Принятием

комсомольского шефства над электрификацией осуществляется один из ленинских наказов.

Обращаясь к комсомолу, к молодежи, вождь говорил:

— «Коммунистическое общество нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем их надо возродить на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что основой является электричество. Только когда пройдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы сможете построить коммунистическое общество, которого не может построить старое поколение».

На эти слова вождя в десятилетнюю годовщину ленинского плана электрификации, Центральный комитет комсомола ответил историческим решением:

— «Мы должны взяться за узловые участки социалистической реконструкции, подчиняя всю работу комсомола борьбе на этих решающих участках. Одним из важнейших узловых участков является электрификация.

Мы достигли больших успехов в области электрификации нашего хозяйства. Электричество становится основной двигательной энергией в промышленности. Электричество все более и более проникает в производство металлов, машин, в химическое производство и сельское хозяйство. Но развитие электрификации идет все еще недостаточными темпами, по сравнению с темпами развития промышленности. Если в ряде отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства мы выполняем пятилетку в три и четыре года, то по электрификации мы этого не имеем. Пятилетний план предполагал выработку электроэнергии всеми станциями в 1932-33 года в 22 миллиарда киловатт-часов. В 1931 году мы будем иметь лишь 13 миллиардов киловатт-часов. Это обязывает комсомол принять самое активное, непосредственное участие в расширении электрификации Советского союза.

Сюда, на этот решающий участок социалистического строительства, комсомол должен мобилизовать и включить неизсякаемую творческую энергию миллионов рабо-

боче-крестьянской молодежи.

— «Центральный комитет ВЛКСМ постановляет принять шефство комсомола над электрификацией Советского союза».

В этом шефстве для комсомола Средней Волги главное звено работы — Волгострой. Комсомол не может стать спиной к этому героическому строительству. Поэтому еще задолго до принятия всесоюзного шефства средневолжские комсомольцы уже брались за Волгострой. Комсомольские ячейки, лучшие и передовые, двинулись в рационализаторский поход, чтобы из экономии от предложений по рационализации, от молодежных изобретений создавать денежный фонд Волгостроя. Не захотели отставать от застрельщиков комсомольцы паровозо-вагоноремонтного завода в Оренбурге. Они первыми понесли в волгостроевский фонд облигации займов. Не захотели отставать и комсомольцы Майнского района. Их слово было коротко: «в фонд Волгостроя проводим дополнительную подписку на заем «пятилетка в четыре года» на 10 тыс. рублей». Этими делами передовые ячейки проголосовали за то, чтобы на повестке дня краевой конференции комсомола встал вопрос о шефстве над Волгостроем. И этот вопрос был поставлен.

Тогда зал заседаний конференции несколько изменил свое лицо, уже немного прискучившее делегатам. Белизна стен была прикрыта большими диаграммами, схемами, картами. На каждой диаграмме, схеме и карте одно четкое, не прячущееся от глаз слово — Волгострой.

На трибуне профессор Чаплыгин. Зал не давал говорить ему. Зал бушевал аплодисментами, приветствуя главного инженера Волгостроя. Так встретились представители двух ударных бригад пятилетки, которые отныне спаяны вместе. Первая бригада — десятки тысяч комсомольцев края. Вторая бригада — инженерно технический отряд Волгостроя.

— Я много выступал на разного рода собраниях, — начал свою беседу с конференцией профессор Чаплыгин, — но впервые выступаю в такой молодой аудитории, и я уве-

рен, что этот доклад даст Волгострою больше, чем все мои предыдущие доклады.

Профессор не ошибся. Этот доклад дал Волгострою надежного шефа и товарища. Комсомольская конференция бодро ответила своему подшефному профессору:

Волгострой—это мина, пущенная в капиталистический мир. И не может быть двух ответов на вопрос о себестоимости, как отозвался комсомол на создание Волгостроя. Мы должны включить ток комсомольской энергии в Волгострой.

Профессор не ошибся. На его доклад конференция ответила договором дружбы и шефства, связав себя неразрывно с судьбами строительства величайшего сооружения. Этот договор и решение, написанное конференцией, будут одним из примечательных документов в истории Волгостроя. Выражая волю комсомольской организации, заявила конференция:

Выполняя великие задачи, определенные В. И. Лениным на VIII Съезде советов в деле электрификации, ВЛКСМ принял шефство над электрификацией всего СССР для того, чтобы привлечь миллионные массы комсомольцев и внесоюзной молодежи к практическому участию на этом ответственнейшем участке социалистического строительства. Комсомол Средней Волги, выполняя это историческое решение ЦК ВЛКСМ, постановляет: принять шефство над строительством Волгостроя, величайшим сооружением в мире.

Принятие шефства должно вызвать величайший подъем творческого энтузиазма и энергии масс комсомола и молодежи Средней Волги в деле выполнения большевистскими темпами пятилетки в 4 года. Выполнение этого великого обязательства, взятого на себя комсомольцами Средней Волги, должно ити следующими путями:

Широкая пропаганда идеи Волгостроя в массах рабочих и крестьян СССР.

Подготовка преданных идеи Волгостроя рабочих и технических кадров из рядов комсомола.

Практическая помощь в оперативной работе по изысканиям и строительству Волгостроя, подчинив это выполнению схематического проекта к 1 апреля 1932 года, к сроку, установленному ЦК партии.

—Выступить инициатором мобилизации масс рабочих на борьбу с потерями в производстве, за снижение водя эту работу под лозунгом,—«сбережем миллионы на Волгострой».

Создать специальный фонд Волгостроя.

Учитывая всю политическую и хозяйственную важность успешного разрешения проблемы Волгостроя, конференция считает, что это грандиозное сооружение имеет всесоюзное значение и к нему должно быть привлечено внимание комсомола всей страны.

После конференции прошли многие дни и недели. Электрошефы не дремлют. Почти каждая ячейка дала свой вклад в фонд Волгостроя. В этот фонд сдавали облигации, отчисления от заработной платы, средства от субботников. Имя Волгостроя пошло в цеха. Молодые ударники именем Волгостроя называют свои бригады, смены. Послано первое комсомольское пополнение Волгострою. Так закрепляется союз двух энергий.

И все же сделанного мало, будущий гигант уже сейчас требует многое, и прежде всего—кадров. Успешной подготовкой кадров Волгострою электрошефам надо заняться всерьез. И завтрашнее строительство исходящее изыскательские работы надо насытить комсомольской энергией.

Электрошефы достойны упрека в плохой агитации за Волгострой. Не брались ячейки всерьез за разъяснительную работу, не рассказывали рабочим и колхозникам о том значительном, что принесет с собой строительство Волгостроя и что за это нужно отплатить Волгострою. Многие ячейки еще не построились в боевые колонны для массового похода за рационализацию на заводе и совхозе, за уменьшение брака, за молодежное изобретательство на борьбу с потерями производст-

ва. А этим-то как раз и надо крепить волгостроевский фонд.

Русло дел электрошефам размечено краевой конференцией. Но нему и надо итти не сбиваюсь и помнить о своей почетной обязанности. Сегодняшний день требует особенно пристального внимания к двум шефским обязанностям: к кадрам и массовой работе.

Лучшей рекомендацией шефу будет то, если на изыскательные работы встанут десятки комсомольцев.

Лучшей рекомендацией шефу будет то, если каждый колхозник и рабочий края при комсомольской подмоге сумеют разгадать близкое слово—Волгострой, сумеют узять то, что он принесет их цехам и полям. Поддержка тысячными массами дерзкой идеи Волгостроя будет заранее свидетельствовать об успехе готовящегося строительства.

ЗАВТРА...

Первая телеграмма

193... г.

Москва Известия ЦИК

Переволоки Управлением главного инженера получена телеграмма сообщающая скоро приезде на Волгрэс группы выдающихся заграничных инженеров тчк. Поездку предположено посвятить детальному изучению ознакомлению величайшим гигантам электрификации тчк. Пуск Волгрэса отмеченный газетами всего мира повидимому так повлиял заграничных специалистов что они не могут удержаться от осмотра великого большевистского дела.

Вторая телеграмма

Москва Известия ЦИК

Переволоки Сегодня Волгрэс прибыла группа заграничных инженеров тчк Не отдохшая после дороги приехавшие направились к гордости Волгрэса мощной

плотине тчк Ваш корреспондент будет сопровождать приехавших все дни их пребывания Волгрэсе тчк Подробности авиапочтой

* *

Первое письмо

Итак, Волгострой больше нет. Его жизнь, короткая, как вспышка, уже оборвалась. Но эта короткая жизнь была одним из самых примечательных событий в истории мировой техники. Пять лет волгостроевской строительной жизни оставили неизгладимый след в десятилетиях. Как полноценно и бодро бился пульс этой жизни, жизни дерзкой, подчиняющей упорство природы и пронизанной никогда не сдающими темпами социалистического труда!

Волгостроевые будни, обычные и серые, когда люди работали как машины, и машины работали как люди (и те и другие слились в одно, увлеченные порученным делом), эти будни были лучшей темой для лучших поэтов страны. Эти будни отпечатались на многометровой кино-пленке, накрученной всюду посевающими операторами. И лучшие художники мазками, широкими и уверенными, как сам Волгострой, накладывали на полотна очертания этой замечательной жизни. Каждое неизначительное событие строительных будней тотчас становилось известным миру. Об этом бросали незримые слова радиостанции обоих полушарий. А по страницам газет можно без труда составить увлекательную волгостровскую биографию. Она будет рассказана сжатым до крайности языком телеграмм, языком цифр и сюжетов, бодрыми рапортами строителей, фельетонами и очерками талантливых журналистов.

Здесь получали зарядку бодрости экскурсии ударников, сюда приезжали учиться строить и побеждать, здесь открывались не раз запоминающиеся заседания съездов советов. Леса Волгостроя встречали здесь своих молодых шефов, уступая площадку строительства для открытия четвертой конференции комсомольцев Средней Волги.

Волгостроя больше нет. Эта жизнь оборвалась в ту самую минуту, когда седеющий член правительства вошел в одно из светлых зал сооружений, рожденных Волгостроем. Сопровождаемый главным инженером, радостным и волнующимся, он подошел к стене и включил рубильники, чтобы забилась в проводах молодая и крепкая электрокровь.

И эта решающая минута была последней минутой жизни Волгостроя и первой минутой жизни Волгэса—Волжской государственной гидроэлектрической станции. Это была выдающаяся минута диалектики, ибо в этот момент произошла смена двух величайших явлений, минута, подчеркнувшая взаимодействие, обнаженную связь между все изменяющими явлениями нашей жизни.

Вырос Волгэс. От его сердца пробежали по краю первые электропроводы. Они перехлестнулись через жигулевскую гряду и покоренную реку. Разветвляясь все дальше и больше, они подобрались к Казани, забежали за Оренбург, не миновали Пензу и Саратов. В нависающих проводах билась индустриальная кровь, иначе не скажешь, потому что там, где прокладывали они свой легкий путь, росли и крепли индустриальные гиганты, и поля социалистического земледелия впитывали в себя машинную технику.

Вырос Волгэс. Его рождение явилось прекрасным предметным уроком применения на практике неограниченных возможностей планового социалистического строительства в союзе с передовой техникой. И маленькая группа приехавших вчера иностранных инженеров появилась здесь не ради искушающего любопытства. Она приехала прослушать и просмотреть этот предметный волгэсовский урок. Здесь есть чему поучиться им, приехавшим из стран, от которых как короста отстает неоправданное определение передовых в техническом отношении стран. Вот сейчас они ведут беседу с главным инженером, с нашим никогда не устающим главинжем. Их подчиняет и немножечко пугает этот советский спе-

циалист. Они вспоминают своих коллег, обязательно коллег, а не товарищей, в меру сдержанных, в меру скучных своей показной неприступностью и сравнивают их с нашим главинжем.

Как резко проведена между ними неступающая черта противоречия.

Главинж никогда не изменит стремительности темпов, но он не знает вспышек лихорадочной горячности, так знакомой приехавшим сюда специалистам. Главинж неразрывно слился с рабочим коллективом и поэтому он так уверен в себе и чувствуется в нем непреклонность ударника.

— Вот и все,—обрадованно проговорил главинж, заканчивая беседу о том, как технически разрешалась сложная задача преграждения реки мощной плотиной.

— А когда нам можно будет осмотреть ее?

— Да сейчас же и пойдем,—и главинж повел делегацию к плотине. Помните, как много дивились днепровской плотине, вытянувшейся на семьсот километров? Ну, а мы соорудили плотину немного побольше—почти в три раза.

— Это же много очень.

— Не будем спорить, а лучше осмотрим ее, — перебил главинж, огибая здание гидростанции.

— Вот она — наша гордость.

Прищурен иностранный глаз. Пристрастно ощупывает вогнутую стену плотины, не находя причины для придирики. Все слажено и пригнано по указу передовой техники, которой так хорошо научились владеть в стране советов. Эта дерзость, рассчитанная и оправданная, дерзость бетона и человека, осмелившихся преградить течение, постепенно покоряет, и вот уже с увлечением заговорила делегация о плотине, растеряв остатки недоверчивости.

Плотина выгнулась, подставив серую грудь течению, и Волга теряется смиряясь, не в силах опрокинуть эту преграду.

Крепко она вросла бетоном и железными скреплениями в надежный берег Жигулей. Это на одном берегу. На

другом же — она срастается с зданием гидростанции. И все это слито и спаяно цементом и человечьей волей.

Сядя с дороги, проложенной по нижнему уступу быков, главинж ведет делегацию в узкие контрольные коридоры, проложенные один над другим внутри плотины во всю ее многометровую длину. В этих коридорах глухо раздаются голоса и тишина здесь заставляет насторожиться, потому что она подчеркивается мягким, плохо приметным шумом вод. Редкие слезы покоящейся реки просачиваются сквозь стены. Но Волге не проточить массив плотины, как бы она ни билась. Особая дренажная система труб отводит за плотину накапливающую воду.

Когда выходили из контрольного коридора, закончив осмотр плотины, американский инженер, обращаясь к главинжу, вежливо заметил:

— Вы сделали большое дело, коллега!

— Но ведь вы еще не все видели, — ответил главинж и повел делегацию к возвышающейся поблизости гидростанции. Она осела там, где плотина готовилась оборваться, входя в берег. Сероватым прямоугольником, растянувшимся больше чем на 500 метров, гидростанция заканчивала плотину. И хотя ее ширина была не меньше семидесяти метров, все же казалась вся станция настолько легкой, что можно было взять ее без труда на ладонь извесить: тяжело-ли. Эту легкость подчеркивал бетон. Он как будто нужен был лишь для того, чтобы поддерживать и скреплять большие квадраты стекла.

В остекленные стены станции, их не назовешь же окнами, врывался дневной свет, заглядывали прожектором солнечные лучи. Но они жестоко наказывались за свою любознательность. Стекла были поставлены так, что преломляли, кривили прямые лучи, не давая им касаться сложных остекленных приборов. На крыше станции... Да уместно ли здесь говорить о крыше? Конечно, здесь не было крыши, облицованной кровельным позеленевшим железом, обычной крыши с погнутыми водосточными трубами. Верх гидростанции был ровным и плоским, как

плоски крохотные крыши сарайей в далеких нагорных аулах. Над волгресовской крышей висит легкая паутина железа. Точно кто-то захотел рассадить на крыше клумбы из металлических радиоантенны.

Но это были лишь легкие железные фермы, установленные в строгом порядке. И они подчеркивали еще больше легкость всего сооружения. Эти фермы нужны для отвода на берег тугих проводов, вбирающих в себя зарождающую генераторами энергию.

Гидростанция хотя и являлась продолжением плотины, но она чуть отступала от нее, чтобы впереди себя уступить место щитовому отделению, маленькой глухой плотине. Щитовое отделение своей мощной грудью отстаивало гидростанцию от волжского напора. А на берегу почти против щита гидростанции размечена открытая площадка для подстанции. От конца щитового отделения к концу береговой площадки был проложен над водой легкий мост, ведущий на дорогу, проложенную по уступу плотины. Так создался водный треугольник — аванкамера, огороженный площадкой, плотиной и мостом. Аванкамера подводила воду к турбинам гидростанции. Над аванкамерой протягивалась сеть проводов, идущих с крыши на площадку подстанции. И казалось новичкам, что в этой гирлянде проводов так же трудно разобраться, как распутать запутанный клубок.

Уровень реки делит надвое стройную гидростанцию. Внизу под пенистой водой скрывался первый этаж. Он служил общежитием для шумной группы волгресовских турбин. Сквозь крепкую подводную стену гидростанции, сквозь широкие пролеты щита к каждой турбине был проложен подводящий канал. И тут же напротив, сквозь стену прокладывали себе путь другие трубы, отводящие за плотину отработанную турбинами силу реки. Трубопроводы сквозь стену показывали свое восемьмиметровое горло, в которое обрушивается вся стремительность напора. Эти восемьметровые отдушины, стоящие перед каждой турбиной, были единственным выходом для реки. Мощные трубопроводы оберегались снаружи надежными

решетками, не дающими засорять и загрязнять турбины. В подводном общежитии турбин проложена занимательная система вентиляции для охлаждения генераторов, здесь же стоят особые приспособления для регулирования и управления турбинами, и проложены электрические кабели.

И все. Больше ничего не имела подводная часть. В камеры турбин, изогнутые спиралью, врывается вода, обрушившись на пропеллерные лопасти турбинного колеса, заставляя его неугстально делать 75 оборотов в секунду. Были турбины на вертикальном валу соединены с генераторами, и поэтому, не умещаясь в подводном этаже, они своей закругленной головой проходят сквозь стену, появляясь в верхнем зале.

Окончив беглый осмотр, главинж пригласил делегацию наверх. И пока поднимались туда по лестнице, главинжу пришлось выслушать не мало лестных фраз о советской турбине, выдержавшей такой серьезный волгоградский экзамен.

Не зря же с таким упорством мы бились за нашу первую и решающую пятилетку. Мы завоевали право быть независимыми ни от кого. И советская турбина, еще ни разу не подводившая Волгас, это только тысячная часть итогов стремительности наших темпов за индустрию,—отвечал главинж, вводя гостей в верхний зал.

Длинной лентой растянулся этот зал, оберегая турбины, образцово выстроившиеся в ряд. Были они здесь не особенно высокими и закругленными, прикрытые железным кожухом. Наверху турбин, там, где кончается вал, оборудована маленькая площадка, обнесенная светлыми поручнями. И это почти все в таком большом и светлом зале. Лишь одну из стен заняла необходимая здесь коллекция измерительных приборов, блестящих и остекленных. По ним так хорошо наблюдать, как пульсирует кровь Волграса и как рассказывает о нем первая дрожь легких стрелок, установленных в приборах. Если считать и эту стену точнейшей механики, то все же в здании находятся лишь железо, бетон и стекло.

Узкие металлические рамы скрепляют серые плоскости бетона и стекла. Только наверху, где подгибаются рамы, чтобы удержать на своих плечах тяжесть крыши, проложен незаметный путь для подъемных кранов. Все здесь до крайности просто и обычно. Ничего таинственного, ничего запутанного и замысловатого. Но в этой простоте чувствуется великая сила организующего воздействия человека на непокорные силы природы. Это почти пустое зало было гордостью мировой электрификации, потому что только здесь зарождалась рекордная мощь многомиллионных киловатт-часов. И если бы сюда открыли свободный доступ всем электрикам, то плыты этого зала давно бы стерлись на нет.

—Нам остается еще познакомиться с каналом и добраться до Переяловок,—начал главинж, когда делегация расставалась с жигулевской гидростанцией.

...Пошли навстречу каналу...

* *

Неожиданно Самарская лука вдруг превратилась в остров. Мягко извивающийся канал, проторенный водной дорожкой, прорезал ее двадцатипятикилометровое русло. Восточные берега луки уже давно охватывала Волга своим локтем, а теперь вот и западная кромка луки очерчивается откосом канала. Так зародился остров.

Каналу не под стать считаться с извилистой ниткой немощной Усы, с ее «кустарным» руслом. Канал выбрал себе путь отвеснее и прямей, чтобы скорее быть к цели.

— Особенности нашего канала в том,—начал снова главинж,—что он укорачивает Волгу, и это укорачивание в пять раз больше, чем он сам.

—Вы сказали укорачивает?

— Я могу повторить... Удивляться здесь нужно меньше всего. Вы, вероятно забыли карту, которую я показывал. Чтобы обогнать луку, нужно сделать прогулку в 150 километров. Но мы проводим канал, и всякая надобность в этой прогулке отпадает. Теперь миновать луку—это значит пройти только 25 километров..

—Как много выигрывает от этого ваш транспорт!

— Когда мы проектировали канал, то считали, что он избавит нас от лишних 875 миллионов тонн-километров. Теперь эта цифра дошла до 7500 миллионов.

— Тогда один ваш канал, вероятно, очень скоро оправдает все средства, затраченные на сооружение Волгаса.

— Вы не совсем ошиблись,—ответил главинж,—канал дает величайшую экономию, которая измеряется миллионами рублей.

Выждав, пока распахнутся настежь ворота шлюзов, в канал входила груженая нефтью «Ударница» и легкий пароход «25 Октября».

— Вы можете проследить по ним,—обратился главинж к делегации,—как происходит процесс укорачивания

остановив винт, суда тратят на прохождение по каналу 1 час. 10 минут.

Облицованный берег канала поднимался из воды откосом. А по откосу, гладкому и серому, во всю длину канала проложена десятиметровая берма. Их было две и поэтому казалось, что спускается берег двумя большими ступенями. Верхняя берма по обоим бокам канала тускло поблескивает сталью рельс. Здесь, по этой берме, суетливо снуют электровоз. Его облик чем-то схож с городским трамваем, но все же с ним его сравнивать почти нельзя. Электровоз на тугом тросе—стальном канате, буксирует суда по каналу.

— Вам, повидимому, не к чему об'яснять,—говорил главинж,—почему мы выбрали на канале электротягу с берега? Если бы сейчас «Ударницу» вел не береговой электровоз, а даже легкий буксир, неизбежны были бы волны. Канал никогда бы не был спокойным и волны стали бы разрушать откосы...

Беседа продолжалась. Продолжался и путь «Ударницы» и «25 Октября». Им было свободно и легко. Канал достаточно широк для того, чтобы могли по водянной дороге разойтись три самых широких судна, не задевая друг друга легким обносом бортов.

Хорошо бы путь «Ударницы» и ее спутника проследить сверху. Было бы видно оттуда, как голубое тулowiще канала перехватывается много раз цепкой хваткой тяжелых шлюзов. И раз'единенный шлюзами, кажется канал похожим на не совсем обычный голубой и извишающийся поездной состав.

Каналу некогда было отдыхать. На каждый день давался ему строгий «промфинплан»: дать 17 шлюзований вниз, для спуска, дать 20 шлюзований вверх, на под'ем.

Нефть и лес. В потоке грузов они были на первых местах. Затем шли десятки миллионов тонн строительных материалов, шел каменный уголь, еще плохо знакомый Волге, и химическое сырье. Лес выбрал для себя в канале особую дорогу—плотоход. Плотоход не позволял плотам растягиваться до бесконечности, как прежде.

пути. Если бы не канал, им пришлось потратить многие часы, чтобы, спустившись по Волге, оставить за кормой луку. А теперь, отдохшая, приуважив огонь топок и

И стали они несколько уже и короче. Лес и нефть, каменный уголь и химическое сырье, камень и хлеб, проходившие через канал, весили не меньше 50 миллионов тысяч тонн. Насколько это много—испыгали на себе воды канала.

Объяснения главинжа решительно прервал голос сирены. Подошли две легкие автомашины, поблескивая фабричной маркой Нижегородского автозавода. Шофер первой выжидательно взглянул на главинжа.

— Готовы! — ответил тот и, обращаясь к делегации, продолжал:

— На этом можно и окончить знакомство с каналом. Будем держать путь на Переволоки.

Когда захлопнулась дверца авто за последним участником делегации, шофер дал газ и машина сорвалась с места. Дорога, плотная и укатанная, то шла вдоль канала, то расставалась с ним, огибая усинские горы и холмы. Гортанные выкрики судов, рельсовый шум электровозов и сирена авто разбудили древние горы. Исподлобья сосновых зарослей они смотрят на новое, еще плохо знакомое им.

Где ваши сказания и легенды, товарищи-горы? Что-то мал на них спрос. Ну, разве здесь уместно разгадывать легендарный смысл названия гор «Семи братьев». Семь братьев? Пусть будет их семь—пускай стоят! Здесь говорят о легендарной были. Ну, хотя бы о стальных пригоршнях экскаваторов, сумевших нагрызть почти десять миллионов кубометров камня и земли, чтобы лать путь каналу.

Шины, и бравшие ход, уверенно подминали под себя дорогу. Последней скоростью павстречу неслись вдруг появившиеся очертания Переволок. Своим спутникам по первой машине главинж сказал:

— Сейчас будем в Переволоках, в селе, превращенном Волгрэсом в город. Здесь еще есть переволокские старожилы. Они ходят между новых улиц нового городка и все еще не могут понять, как это вдруг здесь очутился город.

Переволоки подыскивают себе новое, более оправданное название. Почему они должны и теперь называться Переволоками? Было время, давнее и забытое почти, когда селение это заработало себе такое звание своей основной «профессией». Оно только и жило почти тем, что переволакивали здесь через короткий водораздел легкие струги и другие весельные суда, переволакивали с Волги на Усу. А теперь уже давно нет водораздела, он прорезан каналом и давно уже не видали Переволоки, и не увидят теперь, своих многолетних гостей «кругосветчиков». Теперь по каналу без переволокской подмоги проходят груженые до отказа длинные нефтянки, широкие баржи и белостройные пароходы.

Да и села прежнего здесь нет. Где она, широкая кривизна переулков и лучшая примета Переволок—белокрасная перковь? Точно ветром, сильным и разбужившимся, сметено древнее село, чтобы очистить место для нового поселения новых людей. Здесь растет жизнерадостный и уверенный в себе городок. Ему, конечно, не к лицу называться Переволоками и он подыскивает себе новое имя, чтобы было оно под стать Волгрэсу.

Городок этот мал, но многообещающ. Он начинается почти у самого берега, где крепкий мол, изгибаясь, создает переволокский порт. У порта шумная набережная, почти неумолкающая ни на минуту. В порту очень редко бывает пусто. Здесь делают маленькую передышку все суда, спустившиеся по каналу. И здесь пережидают, когда пустят пробраться по каналу, суда, идущие снизовьев Астрахани, Сталинграда.

От Самаро-Сызранской магистрали к порту прорвалась узкая полоска рельс. А там, где скрещиваются водные и железнодорожные пути, обязательны вместительные склады, глухие холодильники, услужливо поворачивающиеся лебедки, дрожь ленты конвейера и переваливающиеся транспортеры. На этой набережной нечего делать грузчику, тому самому, без которого нельзя себе представить ни одну волжскую пристань. Весь несложный, но тяжелый процесс погрузо-разгрузочных

работ делает за человека машина.

Украшением набережной служит громоздкий алеватор, высоко поднимающийся над портовыми сооружениями. Он одновременно готов высасывать зерна из раскрытых люков, сунув туда клюв трубы, и отдавать его в трюмы барж, в то же время бережно очищая и оберегая зерно в своем пропыленном и таинственном нутре.

Любопытная набережная подобралась почти к самой гидростанции, и видно, что она очень довольна этим соседством. От набережной городок взбирался наверх, разбегаясь своими кварталами по бывшим переволокским полям. Центром городка был ровный квадрат площади, обнесенный самыми примечательными сооружениями. На площадь смотрело многооконное здание управления главного инженера. Соседом был ему вместительный клуб. Он казался самым молодым сооружением города, потому что создан этот клуб по проекту таких же молодых строителей—специалистов, ненавидящих толстостенную неуклюжесть, казарменную громоздкость и неприглядность прежних зданий, еле глядящих на свет близорукими глазами—окнами. На площадь же выходила столовая, отличающаяся тем, что можно было в ней сразу накрыть стол для всего неспокойного населения городка. По краю площади развернулся еще серый «Дом Советов». И все это окружали еще не разросшиеся кварталы рабочих жилищ.

От городка, навсегда расставаясь с ним, уходили металлические фермы—мачты, несущие тяжесть проводов свесившимися с их плеч гирляндами высокопробных изоляторов. Если взобраться на верх клуба, там, где вместо крыши—ровная площадка, обнесенная строгой решеткой, то можно понаблюдать за городком с птичьего полета. Главинж не утерпел и даже сюда привел своих иностранных спутников.

С площадки крыши виден ярко очерченный овал стадиона. Даже отсюда видны белые нити, размечающие для волгрэсовских физкультурников футбольные и про-

чие поля. А за стадионом, за широкой полосой зеленого ограждения, немного сторонясь городка, расположился один из многих химических комбинатов, выросших вместе с Волгресом.

Повернувшись к Волге, можно проследить, как стальная линия рельс подобралась сюда от Сызрани. Чуть изогнувшись, чтобы не пройти мимо порта, рельсы начинают пробиваться вверх к далекой жигулевской плотине, чтобы скорее добраться до моста, перекинутого через Волгу. Когда прослеживаешь этот рельсовый путь, обязательно наткнешься на гидростанцию. Она мало чем отличается от своей жигулевской сестры. Лишь кажется она повзрослев и больше, да нет около нее выгнутой дуги плотины. Здесь живет гидростанция не плотиной, а каналом, приведшим к ней напор волжских вод.

Делегации однако не удалось до конца разглядеть городок с клубной площадки. Пришла молодежь и переводчики сразу поняли, что теперь спасенья нет.

Делегацию увела молодежь, а главинж, оставшись один, направился к гидростанции. Он обошел распределительные щиты, привычным взглядом обежал измерительные приборы, сделав какие-то записи. Здесь на мраморных щитах под стеклом жил и бился нервный узел Волгрэса, по которому можно узнать самочувствие турбин и проследить удары пульса в уходящих проводах.

— Товарищ главный,—окликнул дежурный в спецовке,—турбины послушны, как дети. Регулирующие приборы остаются в бездействии.

— Напор?

— Как всегда!

Обежав еще раз глазами длинный зал и стройный ряд турбин, главинж направился к выходу. Почему-то сразу обрушились все впечатления дня: длинные обяснения иностранцам, осмотр канала, клубная площадка и увод волгрэсовцами всей делегации. И почему-то вспомнились слова давно прочтенных стихов:

— Хорошо у нас
В стране советов

Можно жить,

Работать можно дружно...

Сказано это было неожиданно и почти вслух. Главинж даже исподволь оглянулся — не слыхал ли кто? И, отбросив груз дневных воспоминаний, приняв обычный деловой вид, главинж направился на розыски делегации.

Второе письмо

Главинж с утра на ногах. Он уже окончил свой обычный утренний обход центральной гидростанции и сейчас взбегает по широким ступеням общежития. Не успев открыть дверь, он, вместо приветствия, бросает делегации:

— Скорее! Так много дел и так мало времени. И тут же главинж поворачивается, чтоб первому спуститься к пристани и первому же спрыгнуть в моторный бот. Поедем к сланцам — и он машет рукой на юг, туда, где за многими изгибами Волги загорает Сызрань, где залегают пласты каширского сланца.

Мотор начинает свой четкий захлебывающий стрекот. Главинж не хочет терять времени. Делегация уже готова его слушать. От беспрестанных возгласов удивления и одобрения, которых не сумели скрыть эти, такие серьезные люди, привыкшие кичиться своим заграничным происхождением, главинж не может говорить как всегда. Речь о сланце он начинает не как инженер, а как увлекающийся юноша:

— Сланец! Древнейшее юрское море, оно было на-верно таким же красивым как Волга, откладывало добротный морской ил. Получив отпечаток многих веков, этот ил, затвердевший и скаменевший, стал сланцем. Он блестящий и черен, когда его поры насыщены битумом. Он сер и непригляден, когда скудеет битум. И вот приходят химия и мы. И затвердевший кусок юрского ила, облагороженный химией, начинает замечательные превращения.

На минуту главинж замолчал, подыскивая наиболее

удачные слова. Тишину будила неустанныя речь мотора.

— Ну, вот. Я говорю о сланцах. Вы хотите знать сколько его? 100 миллионов тонн. Это только на Кашире. А сланцы Общего Сырта, Ундор, а пласти самарские, пензенские, оренбургские? Здесь сланцев больше 10 миллиардов тонн. Превращения сланца замечательны. Прежде всего, это топливо. Но, когда им овладевает химия, сланец превращается в кристаллическую соду, сульфат-аммоний для удобрений, газ, бензин, парфин, битум — заменяющий асфальт, фенолят для пропитки шпал.

Бот, широкой грудью навалившись на волны, шел навстречу Сызрань.

— И это Сызрань? — удивленно заметил американский участник поездки.

— А вы Нью-Йорк здесь захотели увидеть? Да, это Сызрань. Обычный приволжский городок. Многие годы революции до конца не сумели стереть его купеческое, мещанско-е обличие. Но вот над Сызранью нависают провода Волграса. И Сызрань, неприметная и мещанская, становится Сызранью индустриальной. Начинает биться пульс новой жизни.

— Сейчас будут Каширы.

Осталось 12 километров.

На осмотр каширских рудников было потрачено около часа. Главинж не давал задерживаться. Здесь с особым интересом делегация отнеслась к образцовой механизации добычи сланца. Когда расставались с рудниками, главинж, показывая направление пластов сланцев, говорил:

— Здесь миллионные заиасы сланца. Он долгие годы был мертвым грузом земли. Ток нашего Волграса оживляет земные недра, поднимает землю на дыбы, заставляя ее отдать накопленное. И она отдает.

Навстречу шел производитель работ. Он был предупрежден о приезде делегации и поэтому встречал ее во всеоружии. Он шел, помахивая планом строительства мощного комбината на сланцах.

На метровом чертеже прораба четкий рисунок давал возможность разгадать скрытое сейчас за лесами стройки. В центре чертежа—большой прямоугольник. Это основа комбината—сланцевый перегонный завод.

—Вот он,—показывает прораб на легкие леса, скрывающие почти заключенные корпуса. Завод ли это? Легкие и не совсем обычные корпуса совсем не напоминали казарменной громоздкости неуклюжих заводских зданий. Точно был это не завод, а огромный аппарат или занимательный прибор для химических опытов, на время снятый со стола лаборатории.

Завод не плохо будет работать на наши пятилетки,—продолжает прораб,—уж за Шотландией тянуться не будем.

—Но ведь Шотландия первая взялась за перегонку сланцев. У неё богатейший опыт. Ее годовая добыча свыше 3 миллионов тонн горючего сланца,—обиженно вставил один из иностранцев.

—Подождите, товарищ,—продолжает прораб,—дайте нам закончить комбинат. Ну, а там посмотрим, кому за кем тянуться придется. И, отмахнувшись от Шотландии, прораб повертывается к делегации:

—Вы хотите знать, что даст нам этот завод-первнец, которым мы так гордимся? Его годовая продукция: 210 тысяч тонн сырого масла, 18 тысяч тонн серно-кислого аммония. Это удобрение. 20 тысяч тонн кристаллической серы. Это также удобрение. 108 тысяч кубических метров газа. Это топливо.

—Но ведь мы строим комбинат. Завод только—малая его часть. И прораб снова развертывает чертеж. Его пальцы обводят четкие прямоугольники и квадраты чертежа. Вода пальцем, си поясняет:

—Цех ихтиолового производства. Простите, вы знакомы с ихтиолом? Это одно из важных медицинских и ветеринарных средств от кожных заболеваний. Нам приходилось вывозить его от вас. Но уж теперь к вам не поедем.

—Цех искусственной олифы.

—Цех фенолятов. Стоит пропитать фенолятом железнодорожные шпалы, и они будут служить долгие годы не изнашиваясь.

Путешествующий по чертежу прорабовский палец остановился на самом краю:

—Мы используем сланец до последнего. Здесь нанесены контуры черепично-кирпичных заводов. В их цехах, как-будто ненужная сланцевая зола, будет превращаться в добротную черепицу и кирпич. А вот совсем в стороне,—продолжал прораб,—новое звено комбината. Здесь строится центральный электродный завод. Неизмеримая выгодность химической и электрометаллургической промышленности намного повышается, когда здесь же на месте будут изготавливаться электроды. На этом заводе мы поставим производство аллюминия, фосфора, карбид-кальция.

Свертывая в трубку чертеж, прораб добавил:

—Повидимому, мы сумеем в ближайшие месяцы взяться практически за электровозгонку фосфора и аммиака. Поля ждут высококачественных удобрений и наш комбинат, конечно, их даст. Взглянув на часы, прораб стал торопливо прощаться—я бегу. Главинж доскажет.

Обратный путь главинж прокладывал между корпусами строящегося комбината, находу продолжая прерванную беседу.

—Есть ли предел химии? Какие все новые и новые способности открывает она в сланце? Мы осмотрели комбинат, растянувшийся на несколько километров. Однако, он очень мал для того, чтобы полностью использовать сланцы. Нам придется строить не меньший комбинат где-нибудь на линии Сызрань—Жигули.

—В новом химическом комбинате будет образцово поставлено производство карбид-кальция, кальций-цианамида и синтетической уксусной кислоты. Производством карбид-кальция мы сразу убиваем двух зайцев. Мы получаем рыночный фабрикат, необходимый при автогенной сварке и резке металлов, и получаем полуфабрикат для азотных удобрений. Наш комбинат сумеет дать

стране не меньше 26 тысяч тонн карбид-кальция. Так же велика будет и продукция азотной промышленности. Она, работая на сельское хозяйство, может, когда это понадобится, работать и на оборону.

— Вам не наскутили сланцы? — обратился главинж к делегации. Это почти бесконечная тема, но я сейчас дам вам отдохнуть от моего надоевшего разговора. Знаете суперфосфат — это ценнейшее удобрение, мы также получаем от сланца, пласти которого прослаиваются фосфоритом. Химическая переработка этих пластов кладет начало десятку новых производств. Это — фабрика искусственного шелка, стекольный завод, бумажная фабрика, мыловаренные и цементные заводы, хлопчатобумажный комбинат.

— И все это... — начал один из участников нашей поездки. Главинж не дослушав перебил:

— Да! Да! — все это будет. Не удивляйтесь! Приезжайте на Волгу через несколько месяцев и многие из этих производств уже будут поставлены на ноги.

...Елизились Переволоки. Об этом давал знать нарастающий мягкий шум. Мотор, набирая ход, готовился юркнуть в порт, чтобы пробраться в канал. Разговоры оборвались, все слушали Волгу, жалующуюся на то, что крепкая сталь турбии кромсает и пенит ее.

Волгрэсовских гостей надежный бот донесет до общежития. А мы поговорим о недосказанном главинже. Главинж определенно неравнодушен к сланцам. Увлеченный ими, он кое о чем забыл. Делегация в тот день так и не узнала о новых индустриальных комбинатах, немыслимых раньше в Средней Волге.

Вы знаете алюминий, — это светлый металл совсем с неметаллическим весом? Им оснащают самолеты и автомобили. Он выгоден своей легкостью и крепостью. Страна потребует не меньше 30 тысяч тонн алюминия. А если стране нужен алюминий, то Волгрэс не покушится дать на его производство полтора миллиарда киловатт-часов энергии. Так зарождается в Жигулях группа алюминиевых заводов.

Также зарождаются десятки других заводов и комбинатов. Заканчивается строительство группы заводов строительных материалов, выбирается место для резинового комбината, для большого стекольного завода, дающего в год 100 тысяч тонн стекла.

Так вот дерзко рвет край старые нити, связывающие его с пшеничной, аграрной судьбой. Вбирая в себя молодую кровь Волгрэса, Средняя Волга становится химической, индустриальной, электрической.

**

Вчера несколько участников делегации послали письма на свою капиталистическую родину. «Мы не совсем понимаем виденное на знаменитом Волгрэсе» — пишут они. «Здесь блестящие использованы знакомые и близкие нам завоевания передовой техники. И все же, на Волгрэсе мы теряемся».

Приехавшие из-за рубежа полпредами передовой техники, они почувствовали себя затерянными перед неограниченными возможностями и преимуществами плановой социалистической системы хозяйствования, преобразующего лицо страны.

И в этом они прочли приговор другой системе, на иждевении которой им приходилось проживать. В стране, строящей социализм, приехавшие впервые прочли приговор капиталистической системе.

Поэтому и растерялись.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ *).

ДОНБАСС НА ВОДЕ

Почти четвертая часть всего населения Советского союза живет на Волге, около Волги, на ее больших и малых притоках. Река несет свои воды с юга на север, от далекой границы Персии, почти до самой Финляндии, — связывая всю европейскую часть Союза. Соединившись

*) Эта глава написана в самый последний срок перед сдачей книги в набор, когда было получено сообщение о создании правительственной комиссии по «Большой Волге».

с Камой и Окой, связывает Волга промышленный Урал с Нижним и Ивановым, Москвой и Ленинградом. Имея неизмеримую энергию такой большой реки, все же остались приволжские районы и области бедными энергией. И это сдерживало их промышленное развитие. За многие сотни и тысячи километров приходили сюда нефть и уголь. А привозное топливо еще никогда не давало возможности развернуться по настоящему. На привозном, дорогом топливе не всегда бывало выгодно строить новые заводы. Сейчас Поволжье берется за снабжение Урала металлическим сырьем и полуфабрикатами, поэтому так и нужна ему дешевая энергия. Невольно взоры направляются к Волге: — с Волгой надо «что-то сделать».

Эта необходимость почувствуется еще больше, если вспомнить, что начинает Волга плохо нести пятилетке свою транспортную службу. Ей уж становится не под силу нарастающий поток грузов. Да притом приходится еще этому потоку многое претерпевать на своем пути. Вот идет груз с Каспийского моря на Ленинград. В верховьях мелеет Волга, и поэтому у Камского устья, там, где Волга принимает в себя воды Камы, поток останавливается для перегрузки. Такая же остановка у Рыбинска, у Нижнего. Эта перегрузка многих тысяч тонн грузов ложится немалым бременем на хозяйство страны. Так что же делать с Волгой, как полностью использовать ее энергию?

— Нужна реконструкция реки!

Такая же реконструкция, которая проводится на фабриках, рудниках, земле. На разрешение этой большой задачи подтолкнул Волгострой. Смелый план реконструкции реки, составленный не без участия Волгостроя, носит название «Большая Волга».

В «Большой Волге», первое место остается за Волгостроем. Его многометровая плотина будет одним из самых великих сооружений в «Большой Волге». За ним идет Волго-Дон, большой канал, соединяющий Волгу с Доном. Эта смелая задача у поэта решается очень легко. Надо только сказать старому Дону:

Товарищу Волге,
Товарищ Дон,
Подай голубую
Канала ладонь.

А на деле это не так легко. Прежде чем Дон протянет Волге руку канала, надо много проработать, многое расчитать. Когда начинается речь о Волго-Доне, принято непременно вспоминать о турецком султане Селиме да о Петре I. Лет четыреста тому назад надумал Селим сдружить Волгу с Доном. Силой нагнал сюда своих подневольных рабочих, да пленил и приказалрыть канал. Но так ничего и не вышло у Селима. Лет через двести взялся за канал Петр I. Но хотя почему то и считался Петр «Великим», ничего у него с каналом не вышло.

О его попытке напоминает сейчас еще сохранившаяся большая канава. Ставленник Петра, не великого, князь Голицын, должен был руководить прорытием канала, но князек боялся божьей кары:

— Раз бог раз'единил, то дерзновенно человеку пытаться соединить то, что бог раз'единил, — говорил Голицын.

Но и после неудавшейся петровой попытки не покидала мысль о канале лучших людей того времени.

И вот, после четырехсот лет бесплодных попыток и мечтаний, на совнаркомовскую трибуну уверенно вошел Ленин и бросил слова:

— «Сооружение Волго-Донского канала явится тем могучим транспортным рычагом, который повернет наиболее отсталое хозяйство восточной части Республики.»

Было это сказано в майские дни восемнадцатого года. С тех дней повелась работа по осуществлению на деле дерзкого замысла веков. Почему же так привлекают к себе Волго-Дон? Да потому, что природа сделала большую ошибку, исправить которую нужно непременно. Когда на своем пути к югу Волга встречается с Стalingрадом, то, кажется, вот еще немного пройдет она, чуть поддавшись влево, и соединится с Доном. Тогда Волге будет дорога к южным портам Азовского моря.

Но здесь Волга, почти встретившись с Доном, неожиданно меняет свой путь, круто поворачивая от Сталинграда вправо, неся свои воды в закрытое Каспийское море. И эта ошибочно выбранная дорога оказывается большим накладным расходом. Если с верховьев идет груз в южные порты, то Волга может доставить его лишь до Сталинграда. А там большим и неудобным окружным путем, по железной дороге, в Ростов, Мариуполь, Новороссийск. Но стоит прорыть канал, соединяющий Волгу с Доном, и будет у страны дешевый водный путь. Волжские грузы получат выход в открытую море, в южные порты, в Европу. Этот же выход получат и грузы Сибири без всякой перегрузки, пересекая всю страну по волжскому тракту. Но этого, спасающего дело канала не было, и поэтому главный поток волжских грузов шел с низовьев на север. Там не заперт был путь закрытым морем. Грузы там находили выход по Мариинской системе, по железнодорожным путям, держа путь на Ленинград, на Балтийское море.

Попробуйте сами на карте соединить Волгу с Доном, чтобы знать, каким же будет этот канал. На Волжском берегу, немного ниже Сталинграда, не трудно разыскать город Красноармейск, прославленный сарептской горчицей. Здесь Волга очень близка к Дону. Их разделяют лишь шестьдесят километров. От Красноармейска надо провести линию через безводные стalingрадские степи, там, где на донском берегу стоит Россонская хлебная слобода, Калач. Линия между Красноармейском и Калачом будет немногого искривленной, из-за условий местности. Поэтому длина канала увеличивается почти до 100 километров.

Это было бы очень легко, если бы пришлось лишь прорыть канал между Доном и Волгой. Можно прорыть этот канал и все же Волга будет попрежнему нести свои воды Каспию и никогда не увидит Дона. Да и он не придет к Волге. Значит, кроме канала надо сделать что-то еще. А получается это потому, что течет Дон на взгорье, а Волга в низине и между ними гор-

ится земля. Разница в уровнях этих двух рек почти в 43 метра. Поэтому придется у Волги начинать канал восемью шлюзами, по которым суда будут взбираться вверх. Взобравшись вверх, пройдут они свободно по каналу, проложенному через степи. А когда будет оканчиваться путь, суда спустятся вниз к Дону по четырем донским шлюзам. Эти гимнастические упражнения пароходов —взбирание вверх почти на отвесный холм и опускание вниз, не будут отражаться в худшую сторону на многих тысячах тонн грузов. Волго-Дон принесет немалую экономию. Проверим это на 16 килограммах хлеба. В 1927 году их перевозка из Самары в Ростов обходилась в 23 копейки. А если же эти 16 килограммов пронести через Волго-Дон, то сбережется 18 копеек. А так как через канал будут проходить тысячи тонн хлеба, то эта экономия в 18 копеек превратится уже в 18-20 миллионов рублей. Но ведь кроме хлеба пронесет канал лес, нефть, уголь. Значит сбережения вырастут еще больше, окупая в пять-шесть лет большие средства, затраченные на сооружение канала.

Через узкое горло канала будет проходить ежегодно не меньше 49 миллионов центнеров грузов. Здесь пройдет груз чуть ли не со всех концов Республики. С побережья Каспийского моря, с Грозного, пойдет к каналу нефть. Низовья Волги до самой Самары проплюют через канал хлеб, весь волжский бассейн, прибавляя к себе Каму, пошлет лес. Пройдет через канал уголь Донбасса, тяжелый груз Урала. И даже далекая Сибирь, Туркестан и Север Республики тоже пронесут через канал свою долю груза.

И все это будет, если только на 100 километров экскаваторы (эти неустанные работающие «паровые лопаты»), сделают глубокую выемку в земле, отняв от нее больше 8 миллионов кубических метров, да будет сделано двенадцать шлюзов.

Только по Волгострою, да по Волго-Дону можно уже судить, какое героическое и величайшее дело скрывается под скромным названием «Большая Волга»

Третьим звеном, за Волгостроем и Волго-Доном в «Большую Волгу» включается коренное переустройство всей Мариинской системы. Оно захватит и другую большую работу—углубление Волги в верховьях, чтобы навсегда расстаться с навязчивым обмелением. Здесь опять приходит на выручку искусственная система шлюзов, углубляющая Волгу от Мариинской системы до Камы. Путь по Мариинской системе, открытый в далекий 1808 год, берет свое начало у Рыбинска. Дальше ведет Шексна на север к Белому озеру. На этом озере у канала происходит смена. Путь на Онегу, выше к северу, уже прокладывает не короткая Шексна, а восьмидесят километровая Ковжа. Канал Онежского озера отводит путь в сторону на Свирь, чтобы через большое Ладожское озеро сойтись с Невой. Эта Мариинская дорога, растянувшаяся на 1193 километра, включаясь в «Большую Волгу» будет углублена до двух с половиной метров. Это углубление умножит на много прохождение грузов по Мариинской системе. Вместе с этим будет углублена почти до двух метров Москворецкая система. Ее путь заключен между Москвой и Нижним Новгородом через узкую Клязьму. Но интересы транспорта не позволяют остановиться только на этом. Намечается смелая попытка соединения Волги с Ледовитым океаном. Это соединение произойдет через Камско-Пермский водный путь. На плотинах этого пути будут расположены гидростанции, зарождающие 160 тысяч киловатт энергии. Кроме этого, «Большая Волга» расставит станции на Чусовой, у Перми, у Ярославля и Касимова.

Затем, большим звеном работы включается в «Большую Волгу» ирригация. Она будет проведена на заводских полях почти от самого Камского устья до Астрахани. Это еще во много раз умножит те выгоды, которые принесет ирригация, проводимая при помощи Волгостроя. Вместе с этим делается сейчас наметка мелиорации всей Волго-Ахтубинской поймы. Мелиорация улучшит бросовые болотные и прочие земли, сделав их пригодными для посевов.

Так разгадывается значение смелых начинаний, закрытых именем «Большая Волга». Используя разумно и расчетливо реку, в наших руках будет мощная сила, не уступающая 8 Днепростроям. Если бы эти Днепрострои работали не на даровой энергии реки, а на угле, то нужен был бы второй Донбасс. Меньше нельзя. Значит «Большая Волга», не требуя топлива у черного Донбасса Украины, создает свой Донбасс белого угля, не уступающий по мощности первому. Это белый Донбасс сделает Волгу новой. Уйдет в прошлое губительное мелководье, которым так отличалась река в своих верховьях. И темно-серые землечерпалки будут безработными простаивать в затонах. Непрерывающийся конвейер их стальных ковшей уже не будет углублять дно реки. И вряд ли уже сможет Волга тогда делать так мешающее наносы песчаных отмелей. Переизначенная не раз шлюзами и плотинами, соединенная узкими каналами и многими водными бассейнами страны, будет Волга отражать в своих водах огни многих электрических гигантов.

Это будет реконструкцией реки. Реконструкцией, за которую поразному берутся сейчас различные организации. Разоренными усилиями многое не сделаешь и поэтому сплотил Волгострой все это многообразие работ в одно, в «Большую Волгу». Навсегда от нас уйдет Волга, прославленная песками, многоводностью и рыбой. Зарождается неизвестная Волга, готовящаяся честно нести свою индустриальную нагрузку и скованная не раз бетоном. Зарождается новая Волга, дающая толчок к резкому росту индустриальных, промышленных гигантов в приволжских районах, приводящая в порядок водные пути чуть ли не половины всех водных рогов страны.

Осуществление «Большой Волги» будет прекрасным образцом неограниченных возможностей планового хозяйства, показывающим превосходство социалистической системы. Поэтому будем уверенно закладывать фундамент «Большой Волги». Этот фундамент—Волгострой!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вступительное слово	3
Техника социализма	7
Рассказ о белом угле	11
Отправляемся в кругосветку	16
Разведки в Жигулях	23
Взамен дождя	28
Союз двух энергий	33
Завтра	38
Донбасс на воде	57

